

Соловьев Всеволод Сергеевич

**Сергей Горбатов:
Исторический роман конца
XVIII в.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Сергеевич С.**
Сергей Горбатов: Исторический роман конца XVIII в. / Соловьев Всеволод
Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 671 с.

ISBN 978-5-519-74709-7

ISBN 978-5-519-74709-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Раннее лѣтнее утро. День навѣрно будетъ жаркій, такой же какъ и вчера, какъ и всю недѣлю. Блѣдно-бирюзовое небо уже становится чѣмъ выше, тѣмъ синѣе—и кой гдѣ скользятъ по немъ и незамѣтно таютъ, переживаясь мелкой перламутровой волною, далекія перистыя облака. Солнце кладетъ длинныя тѣни. Разгораются и сверкаютъ крупныя капли росы на травѣ густой и несмятой. Старыя широко-вѣтвистыя липы не шелохнутся и только беззвучно роняютъ вянушіе лепестки своего душистаго цвѣта.

Я иду по заросшимъ дорожкамъ давно всѣми позабытаго сада—и чудится мнѣ, будто передо мною снова разверзлись двери потеряннаго міра юныхъ сновъ и юной душевной свѣжести. Это деревенское утро своей душистой, невозмутимой тишиною и прохладой пахнуло на меня тѣми могучими чарами, которыя въ мигъ одинъ способны смыть и унести

невѣдомо куда всю житейскую пыль, навѣянную многими годами. Я иду—возрожденный и духомъ, и тѣломъ, жадно впивая въ себя живительный воздухъ, я слышу и чувствую какъ бьется мое сердце, но не болѣзненно и тревожно, а мѣрно и спокойно, заодно съ этой здоровой и свѣтлой природой.

Вотъ уже больше часу брожу я по заросшему саду и меня тянетъ все дальше и дальше. Передо мною открывается аллея за аллеей, лужайка за лужайкой. Кой гдѣ черезъ быстрый ручей перекинуть ветхій, едва выдерживающій мою тяжесть, мостикъ. Кой гдѣ въ древесныхъ кущахъ, переплетшихся между собою, бѣлѣютъ античныя формы старыхъ статуй. Вотъ изъ-за непроходимыхъ вѣтвей виднѣется куполь разрушенной бесѣдки. Вотъ обломокъ колонны, невѣдомо откуда упавшей, почти совсѣмъ закрытый высокой травой, увитый вьющимся горошкомъ...

Все чаще и чаще вѣковые липы и дубы, все гуще и ниже сплетаются надъ головою ихъ могучія вѣтви. Даже жутко въ этомъ невѣдомо куда влекущемъ сумракѣ. Но сумракъ мало по малу рѣдѣетъ, впереди яркій просвѣтъ, весь залитый солнцемъ. Я спѣшу туда—передо мною разрушенная каменная ограда. Здѣсь конецъ этому сказочному, забытому міру, здѣсь начало другой жизни, отъ которой я такъ радъ былъ забыться. На большомъ выгонѣ пасется стадо, справа расположено село, дальше поссе, перерѣзанное полотномъ желѣзной дороги, огромное кирпичное зданіе съ высокими трубами, изъ которыхъ валить густой черный дымъ—это фабрика...

Я спѣшу назадъ, опять въ сумракъ заглохшей аллеи, спѣшу скорѣй снова забыться, уйти въ міръ

тишины и покоя, въ міръ старыхъ липъ, бесѣдовъ и статуй. И снова брожу я, не замѣчая времени, не чувствуя усталости. И чары стараго сада вызываютъ передо мною самыя милыя воспоминанія, воскресаютъ давно покинувшія землю, давно позабытыя лица и я съ изумленіемъ нахожу въ себѣ всю прежнюю мою любовь къ нимъ, всю силу тоски по ихъ утратѣ. Прошлое, одно прошлое во мнѣ и передо мною—будто время вдругъ повернуло назадъ и мчится чѣмъ дальше, тѣмъ быстрее...

А между тѣмъ солнце поднимается выше и выше, отвѣсные лучи его проникаютъ всюду. Зной, усталость и жажда начинаютъ меня тревожить. Старинный, длинный одноэтажный домъ съ лабиринтомъ высокихъ прохладныхъ комнатъ принимаетъ меня въ новую тишину, въ которой все другое, въ которой новыя чары. И время, остановясь лишь на мгновенье, снова мчится еще быстрее и еще дальше въ глубину прошедшаго. Я прохожу длинной залой съ кой гдѣ облупившимися глянцевитыми колоннами, съ теряющимся въ полумракѣ росписнымъ потолкомъ и ветхими хорами, откуда даже и при дневномъ свѣтѣ слышится таинственный шорохъ. Я вступаю въ амфиладу парадныхъ гостиныхъ, обтянутыхъ выцвѣтшимъ шелкомъ, уставленныхъ зеркалами въ почернѣлыхъ бронзовыхъ рамахъ, запыленной, старинною мебелью. Въ концѣ амфилады я останавливаюсь въ высокой полутемной комнатѣ со спущенными зелеными шелковыми шторами. По полу разостланъ мягкій коверъ, весь изъѣденный молью, по стѣнамъ рѣзные чернаго дуба шкафы съ стеклянными дверцами. Длинными рядами стоятъ тамъ

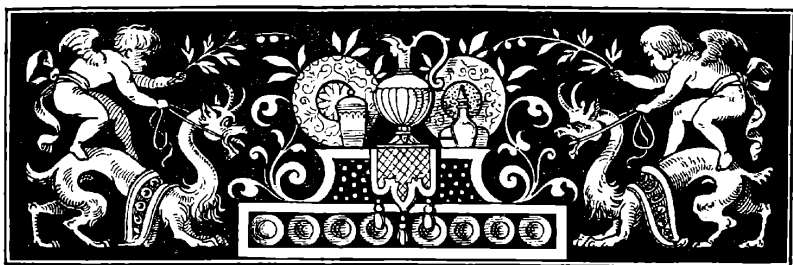
переплетенныя въ крѣпкую кожу книги. Покойныя кресла, обтянутыя старымъ темнозеленымъ сафьяномъ, тяжелый вычурный столъ - бюро въ углу: надъ столомъ и между книжными шкафами портреты. Чья-то заботливая рука, но вѣрно много, много лѣтъ тому назадъ прикрыла ихъ полотномъ. Полотно совсѣмъ уже почернѣло отъ пыли и пауки уже сотни разъ разстилали на немъ свою паутину. Я поднимаю зеленныя шторы, но яркій полдневный свѣтъ все же медлитъ, все же боится проникнуть въ полутьму этой прохладной, сырой комнаты. Густо разрослись деревья у самыхъ оконъ и льнуть ихъ зеленныя вѣтки въ запыленнымъ стекламъ, и мѣшаютъ солнцу. Забывъ о паутинѣ и пыли я сдерживаю полотно съ самаго большаго портрета — и отступаю съ невольной дрожью; я не одинъ — прямо мнѣ въ глаза, насмѣшливо и пытливо, глядятъ живые глаза изъ глубины почернѣлой золотой рамы — передо мною мужское лицо двадцатипятилѣтняго красавца въ изящномъ и богатомъ костюмѣ конца XVIII вѣка. Я отступаю и опять приближаюсь, и начинаю уже видѣть какъ тихо шевелятся атласъ и кружева на его мѣрно дышащей груди: вотъ шевелить пальцами блѣдная рука, на которой горитъ брилліантовый перстень; медленно сдвигаются густыя черныя брови; дрожатъ полузакрытыя будто утомленныя вѣки, а рѣзко очерченныя, характерныя губы складываются въ тонкую усмѣшку. И долго не проходитъ очарованіе, и долго я жду, что онъ выйдетъ изъ рамы и заговоритъ со мною.

Но яркій лучъ, прорвавшійся наконецъ въ окошко, скользитъ вдоль по росписанному полотну и разру-

шаетъ впечатлѣніе. Я снова спускаю шторы и не могу оторваться отъ портрета. Я стираю съ него пыль и наконецъ въ углу, у самой рамы, разбираю буквы. Очарованіе становится понятнымъ—оно создано слабой женскою рукою, въ которую когда-то была вложена крѣпкая сила таланта: портретъ принадлежитъ кисти знаменитой Лебрёнъ.

Проходятъ часы, проходятъ дни — и запыленная мрачная комната превращается въ мое постоянное убѣжище. И все, что казалось мнѣ таинственнымъ и непонятнымъ, становится близко и знакомо во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Меня уже не смущаетъ полунасмѣшливый, полугрустный взглядъ напудренного и разодѣтаго въ атласъ и кружева красавца. Между нами уже нѣтъ тайны—онъ самъ открываетъ мнѣ свою душу и рассказываетъ жизнь свою. Въ старинномъ бюро, въ одномъ изъ безчисленныхъ ящичковъ, я нахожу маленькія переплетенныя въ сафьянъ тетрадки, мелко исписанныя на французскомъ языкѣ твердымъ и красивымъ почеркомъ. Это его замѣтки, отрывки воспоминаній разнообразно и интересно проведенной молодости... Они нерѣдко будутъ служить мнѣ важнымъ матерьяломъ для разсказа, который я озаглавливаю именемъ ихъ автора...

I.

Сто лѣтъ назадъ.

Около ста лѣтъ тому назадъ, а именно въ началѣ осени 1788 года, мѣстность эта представляла совсѣмъ иной видъ чѣмъ теперь. Ни о какихъ заводахъ, фабрикахъ, шоссе, не было и помину. Въмѣсто всего этого между селомъ Горбатовскимъ, искони принадлежавшимъ богатому и знатному роду Горбатовыхъ, и Знаменскимъ, находившимся тогда во владѣніи вдовы княгини Пересвѣтовой, версть на семь въ квадратѣ тянулся густой лѣсъ, черезъ который пролегала очень живописная дорога.

По дорогѣ этой солнечнымъ душистымъ утромъ ѣхалъ молодой всадникъ, совсѣмъ еще юноша, лѣтъ двадцати двухъ не больше. Богатый атласный камзолъ, изящные ботфорты на стройныхъ ногахъ, маленькая треугольная шляпа, изъ-подъ которой спускались бук-

ли напудренного парика съ косичкой, статный вымуштрованный конь—указывалъ на общественное положеніе юноши. Красивое и милое лицо сразу говорило въ его пользу. Онъ видимо никуда не спѣшилъ, то пускалъ своего послушнаго коня рысцой, то ѣхалъ нѣкоторое время шагомъ, то наконецъ останавливался, осматривался кругомъ, любовался картиной желтѣющаго и краснѣющаго лѣса, всею грудью вдыхалъ въ себя бальзамическій воздухъ. Изрѣдка встрѣчавшіеся въ лѣсу крестьяне и крестьянки, завидѣвъ всадника, почтительно останавливались съ низкими поклонами. Онъ привѣтливо кивалъ имъ головой и ѣхалъ дальше съ довольнымъ выраженіемъ въ молодомъ, нѣсколько загорѣвшемъ лицѣ.

Лѣсъ рѣдѣлъ. Скоро изъ-за небольшого пригорка показались обширныя хоромы княгини Пересвѣтовой. Юноша далъ шпоры коню и помчался, но не прямо, не къ усадьбѣ, а завернулъ въ сторону, туда гдѣ снова начиналась древесная тѣнь и гдѣ только высокій частоколъ да малоѣзженная, почти совсѣмъ поросшая травой дорога, отдѣляли лѣсъ отъ барскаго Знаменскаго парка. Вотъ старыя ворота и возлѣ избушка сторожа. Запахло дымкомъ, двѣ курицы перебѣжали дорогу, чуть не попавъ подъ копыта быстро остановившагося коня. Собаченка выскочила изъ избушки и отчаянно залаяла, а за нею показался старый лысый старикъ въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ.

— Отвори-ка, Степушка, ворота! крикнулъ всадникъ ласковымъ звонкимъ голосомъ, какой только и могъ быть у такого здороваго и веселаго юноши. Семидесятилѣтній Степушка, отвѣсивъ низкій поклонъ,

бросился старческой рысцею къ воротамъ и сталъ отпирать ихъ.

— Милости просимъ, батюшка Сергѣй Борисычъ, — погуляй, золотой... Ишь вѣдь денегъ какой выдался — солнышко словно по лѣтнему грѣть.

Юноша уже въѣхалъ въ ворота, но вдругъ остановился и сказалъ старику:

— А вотъ что Степушка, не покараулишь ли моего «Красавчика»? пускай онъ себѣ отдохнетъ, а я поразомну ноги.

— Изволь, батюшка, изволь, государь Сергѣй Борисычъ!...

Сергѣй Борисычъ быстро соскочилъ съ «Красавчика», передалъ поводья Степушкѣ, привычнымъ хозяйскимъ глазомъ оглядѣлъ любимого коня, потрепалъ его по гладкой, горячей шеѣ и легкими шагами направился въ глубь парка.

Солнце такъ и горѣло, такъ и переливалось на разноцвѣтныхъ осеннихъ деревьяхъ, превращало въ чистое золото опавшіе листья, которые густо покрывали дорожку и разлетались во всѣ стороны подъ быстрыми шагами юноши. Въ вершинахъ старыхъ деревьевъ усиленно, будто на прощанье, перекликались птицы и съ вѣтки на вѣтку, споря въ легкости съ птичьимъ полетомъ, перескакивали пугливыя векши.

Но вдругъ солнце зашло за облако и мгновенно измѣнилась вся картина: потускнѣли радужные цвѣта, тоскливая нотка словно прозвучала въ птичьей перекличкѣ, откуда-то пахнуло прохладной сыростью. Затуманилось солнце отъ наплывшаго облака — и, будто отъ такого же облака, затуманилось и красивое лицо веселаго юноши; не то тоска неясная, не

то скука изобразилась на немъ. Но это было лишь на мгновенье. Облако пронеслось, солнце заблестѣло снова; быстро мѣняющіяся печальныя краски, обливая ихъ горячей жизнью и снова молодая, здоровая радость засвѣтилась въ лицѣ юноши. Ускоряя шагъ, онъ спустился къ небольшому озеру, на берегу котораго была выстроена бесѣдка.

Отсюда виднѣлась только боковая ея сторона, только колонка, окрашенная въ ярко-голубой цвѣтъ, да глухая стѣна, едва замѣтная за густо насаженными кустами. Нельзя было разглядѣть, есть ли кто въ той бесѣдкѣ или никого тамъ нѣту. Но юноша остановился какъ вкопанный и не могъ отвести своихъ зоркихъ глазъ отъ ярко-голубой колонки. За этой колонкой мелькнуло что-то и исчезло. И вотъ опять показалось. Да, это не птица и не векша, это чернѣется узенькій башмачекъ маленькой ножки. Вотъ и кончикъ розоваго платья выглянулъ и скрылся. Юноша отступилъ назадъ, осторожно стараясь не шуршать опавшими листьями и началъ пробираться между деревьями къ бесѣдкѣ.

— Ахъ какъ странно! думалъ онъ, — вѣдь это Таня...

Онъ чувствовалъ что это она, да и кому тамъ быть другому—ея и платье розовое. Странно! будто нарочно онъ поѣхалъ сегодня этой дорогой, будто нарочно оставилъ «Красавчика» Степушкѣ и такъ спѣшилъ сюда, къ озеру, къ бесѣдкѣ, точно зная что тутъ Таня, и что она его дожидается?

Да, онъ зналъ, навѣрное зналъ еще утромъ, когда уговаривалъ monsieur Рено отправиться вмѣстѣ съ

матерью и сестрою смотрѣть только что приведенныхъ лошадей, а самъ отказался имъ сопутствовать и велѣлъ сѣдлатъ себѣ «Красавчика». Онъ зналъ, навѣрное зналъ, но почему зналъ? кто разсказалъ ему и зачѣмъ ему сегодня такъ ужасно нужно видѣть Таню?!

